

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1990

• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

1

1990

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ
1965 г.

МОСКВА
«НАУКА»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Коровицына Н. В.</i> История культуры ЧССР в послевоенном чехословацком обществоведении: подходы, результаты, проблемы	3
<i>Гудаков В. В.</i> Дипломатическая деятельность Иво Андрича весной 1941 г. и судьба югославского представительства в нацистской Германии	12
<i>Флоря Б. Н.</i> Русско-османские отношения и дипломатическая подготовка Смоленской войны	17
<i>Мельников Г. П.</i> Формирование нового патрициата в Праге (вторая половина XV — первая половина XVI в.)	28
<i>Макарова И. Ф.</i> Этническая проблематика в произведениях болгарского патриарха Евфимия	33
<i>Тимова Л.</i> Русско-чешские художественные связи конца XVIII — первой половины XIX в. (Музыка, театр, изобразительное искусство)	42
<i>Мароевич Р.</i> (СФРЮ). Между Вуком и Пушкиным — переложения сербских народных песен А. Х. Востокова	49
<i>Гиппиус А. А.</i> Из истории взаимодействия региональных изводов церковнославянского в древнейшую эпоху (формы номинатива действительных причастий на <i>-*on/s</i>)	58
<i>Поповска-Таборска Х.</i> (ПНР). Хронология общеславянских фонетических изменений в контексте ранней истории славян	70

СООБЩЕНИЯ

<i>Нещименко Г. П.</i> О ходе многостороннего международного сотрудничества по сопоставительному изучению славянских языков	74
<i>Кабакова Г. И.</i> Новые исследования по семейной обрядности балканских народов	79
<i>Немировский Е. Л.</i> Острожская Библия в монастырских библиотеках Черногории и Сербии	85
<i>Илюшин А. А.</i> С польского на славяно-русский (к проблеме перевода « <i>Sarminum variogum</i> » Симеона Полоцкого)	89

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Костяшов Ю. В.</i> Хрестоматия по истории южных и западных славян. Учебное пособие для вузов в трех томах. Т. I. Эпоха феодализма	96
<i>Кириллова О.</i> Международная конференция «Социальная действительность и литература» (Материалы)	97
<i>Мокиенко В. М.</i> В. Кювлиева-Мишайкова. Устойчивите сравнения в българския език	99

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Наумов Е. П.</i> Илири и Албанци. Серија предавања одржаних од 21. маја до 4. јуна 1986. године	103
<i>Лабунцев Ю. А.</i> Р. Kennedy Grimsted. Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Ukraine and Moldavia. Book 1. General Bibliography and Institutional Directory	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Прокофьева Д. С.</i> Международная конференция «Вторая мировая война в польской и мировой литературе»	106
<i>Мельников Г. П.</i> Конференция, посвященная международным отношениям славян и их соседей в эпоху феодализма	107
<i>Гольцекер Ю.</i> II Конгресс культуры польского языка	109
<i>Хайров Ш. В.</i> Конференция «Синхронное сопоставление славянских языков»	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
 А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУБА,
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
 Л. Н. СМИРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗВОДОВ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО В ДРЕВНЕЙШУЮ ЭПОХУ (формы номинатива действительных причастий на *-* onts*)

0. Одной из древнейших морфологических изоглосс, разделявших южную и северную диалектные зоны позднего праславянского языка, традиционно считается противопоставление флексий *-y* и *-a* в именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода действительных причастий настоящего времени от глаголов с основой на твердый согласный. Это противопоставление засвидетельствовано уже древнейшими памятниками славянских языков: при том, что в древнеболгарских рукописях XI в. безусловно господствующими являются формы типа *несь, иды*, в древнерусских рукописях того же времени встречаются наряду с ними также формы типа *неса, ида* [1; 2, с. 111; 3, с. 94].

Вопрос о происхождении данной изоглоссы, один из наиболее спорных в славянской исторической морфологии, в настоящей статье не рассматривается¹. Соответствующие причастные формы будут интересовать нас преимущественно в аспекте истории русского литературного языка, т. е. — применительно к древнейшему периоду — в аспекте истории грамматической нормы церковнославянского языка русского извода. В связи с этим предстоит рассмотреть два вопроса. Первый из них состоит в том, как следует трактовать встречающиеся в древнерусских рукописях формы причастий на *-a* — как случайное, непреднамеренное отражение живого произношения, идущее вразрез с грамматической нормой книжного языка, или же как элемент этой нормы, ассимилированный ею морфологический восточнославянизм. Второй вопрос, предельно четко сформулированный Н. Н. Дурново, касается соотношения между формами на *-a* древнерусских памятников и формами на *-a* древнеболгарских. «Незначительное количество примеров причастий на *-a* не позволяет решить, следует ли видеть в них русизмы, независимые от того, что было написано в южнославянских текстах, или русскую передачу, согласную с русским живым произношением, южнославянских причастий на *-a*» [3, с. 94].

Гиппиус Алексей Алексеевич — преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

¹ Для последующего изложения существенно наличие двух противоположных гипотез. Исследователи, рассматривающие флексию *-y* как единственно возможный рефлекс единственной праславянской флексии *-*onts* [4—7, р. 179—183] видят в древнерусских формах *неса, ида* результат аналогического влияния со стороны основ на мягкий согласный и рассматривают эти формы как генетически тождественные древнеболгарским формам на так называемый *q*, передающийся при помощи модифицированного знака для *ε* (в настоящей публикации для передачи *q* и *ε* по техническим причинам использованы соответственно *д* и *л*), а иногда в виде *ж* или *ж*. Согласно другой точке зрения (разделяемой и автором настоящей статьи), флексия *-a* является исконной для всей северной диалектной зоны, а не сменившей здесь древнее *-y* [8—12].

1.1 Причастия типа *неса* обычно не включаются в краткий перечень генетически восточнославянских элементов, составляющих специфику нормы русского извода церковнославянского. Так, по мнению И. Тота, «формы на *-ы* составляли норму церковно-книжного языка, и поэтому древнерусские формы не могли попасть в систему норм древнерусского церковно-книжного произношения и в церковно-книжную практику» [13] (ср. аналогичную точку зрения в [14, с. 142]).

Такая оценка статуса причастий на *-а* отчасти является следствием излишне консервативной трактовки нормы русского извода церковнославянского, не учитывающей ее принципиальной вариативности (см. об этом подробнее в [15]). В данном случае, однако, не менее важную роль играет другое обстоятельство, а именно — неразграничение полных и кратких форм причастий. Между тем такое разграничение совершенно необходимо: если краткие формы старославянских причастий на *-ы* имели себе соответствие в живой древнерусской речи XI—XII вв. в виде древнерусских форм на *-а*, по-видимому, уже превратившихся к этому времени в застывшие деепричастные образования [16], то полные формы как таковые были, очевидно, с самого начала письменной эпохи лишь принадлежностью книжного языка [17, с. 364], и потому единственно возможной для них была южнославянская флексия. (Некоторые исключения из этого правила специально рассматриваются ниже.) Вопрос об окказиональности или же, наоборот, нормативности восточнославянских форм на *-а* имеет смысл поэтому только применительно к кратким формам. Введение этого ограничения позволяет по-новому взглянуть на уже известные факты.

Из памятников XI в. наибольшее количество форм на *-а* содержат Минея 1095—1097 гг. По нашим подсчетам общее число таких форм в трех изданиях И. В. Ягичем рукописях — 17: Минея 1095 г.: *паса* 11об., *жива* 12об., *зова* 93об., 130об.; Минея 1096 г.: *зова* 13, 39, 60об. (2х) *мога* 39об., 50; Минея 1097 г.: *зова* 82об., 100, 100об. (2х), 114об., *жива* 113об., 163. При этом краткие формы на *-ы* от тех же основ не встречаются вообще (единичный пример *живы* в Минее 1095 г., л. 35 вполне может представлять результат стяжения *-ыи* в *-ы*, обычного в данной рукописи)². Такое положение явно не позволяет рассматривать краткие формы на *-а* как случайно «проскользнувшие» в книжный текст [18]. Они не просто выступают как нормативные, но и являются в данном случае единственными представителями книжной нормы.

За пределом указанного круга памятников нормативное употребление форм на *-а* отмечаем, например, в Выголексинском сборнике XII в., где от глаголов *жити*, *ити*, *мощи*, *пеци* находим семь кратких форм на *-а* (*жива* 41об., 158, *ида* 116, *мога* 120об., 135об., 164, *пека* сл 118об.) и одну на *-ы* (*иды* 126об.). Из памятников XIII в. можно назвать хотя бы Сборник толкований на ветхо- и новозаветные тексты (ГПБ, Q. п. I.18), в котором краткие формы также выступают почти исключительно с древнерусской флексией (*ида* 20об., *зова* 180об., *тека* 48об., *жива* 54, *река* 22(2х), 25, 27об. 31(2х) и другие при единичном *могы* 154). Примеры такого рода легко умножить.

Способность к нормативному употреблению в книжных текстах была унаследована от причастий на *-а* сменившими их в живой речи формами, образованными по аналогии с основами на мягкий согласный. В текстах XII—XIV вв. формы типа *жива* выступают наряду с формами типа *жива*. Уже в Стихираре XII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 147) при отсутствии кратких форм на *-ы* и на *-а*, дважды находим: *ида* 54, *жимоидла* 128об. В ноябрьской

² Показательно, что в то же время краткие формы на *-ы* употребляются от нетематических основ: *сы* — многократно, *прзвды* Минея 1095 г., 12об.; *имы* 110об.; *вбды* Минея 1096 г., 130об. и т. д. Однако наряду с ними встречаются часто и формы от тематических основ *вбана* и *имба*, которые, по-видимому, в живой речи уже вытеснили к этому времени нетематические образования. Таким образом, краткие формы на *-ы* от данных глаголов не участвуют в оппозиции форм на *-ы/-и*, но входят в другую оппозицию. (Противопоставленность по данному признаку тематических и нетематических основ на материале более поздних памятников отмечают также И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко [17, с. 311].)

Минее XIII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 93) в соответствии с формами на *-а* Минее 1097 г. (см. выше) читаются как формы на *-а*, так и формы на *-а*: *зова* 87(2х), *зова* 72об., 86об. *жива* 99об.³

1.2. При решении вопроса о статусе генетически русских причастных форм на *-а(-а)* нельзя обойти стороной синтаксический аспект проблемы. В древнейших памятниках русского извода формы на *-а* выступают в основном в функции второстепенного сказуемого, свойственной им и в живой древнерусской речи. Однако, начиная также с древнейшей эпохи, получает широкое распространение употребление в той же синтаксической позиции полных форм на *-ыи*, составляющее специфическую особенность древнерусского книжного синтаксиса. Показательно в этом отношении сопоставление Остромирова (ОЕ) и Мстиславова (МЕ) евангелий, отчетливо обнаруживающее вымывание кратких причастий на *-ы* в функции второстепенного сказуемого полными причастиями на *-ыи*:

Л.Х.33. ОЕ: *самарѣнинъ же нѣкыи градъ приде надъ нь* 103б; МЕ: *градъи* 89в.

Л.ХV.13. ОЕ: *расточи имѣникъ своѣ живы блѣдъно* 118а; МЕ: *живыи* 111г.

Л.ХV.25. ОЕ: *и како градъ приближисѣ къ домоу* 119а; МЕ: *градъи* 112б.

Ио.ХIХ.39. ОЕ: *приде же и никодимъ пришѣдти къ иісови ноцишъ прѣжде несы съмѣшеніе змуръно и алоино* 195а; МЕ: *несыи* 156б.

В результате полные формы на *-ыи* в древнерусском книжном языке оказываются полифункциональными, выступая, в отличие от полных форм номинатива других причастий, не только в роли подлежащего или определения, но также и в роли второстепенного сказуемого. Не будучи никак мотивировано грамматически, такое употребление, по-видимому, было обусловлено особой фонетической близостью краткой и полной южнославянских форм (ср. соотношение *несы* : *несыи* и *носа* : *носыи*), а также наличием в южнославянских протографах значительного числа стяженных написаний типа *градъи* вместо *градъи*. Фонетическая близость форм на *-ы* и *-ыи*, в равной степени чуждых живой восточнославянской речи, способствовала их функциональному объединению в сознании древнерусских книжников. При этом, поскольку при переписывании южнославянских протографов нередко приходилось исправлять стяженные написания, восстанавливая их в нестяженном виде, полные формы на *-ыи* могли восприниматься как «более правильные», следствием чего, очевидно, и было расширение сферы их функционирования.

Употребляясь в функции второстепенного сказуемого, полные формы на *-ыи* вступают в коррелятивные отношения непосредственно с краткими формами на *-а*, по-видимому, воспринимаясь восточнославянскими книжниками как специфически книжные формы деепричастий. Формы типа *несыи* и *неса* выступают в древнерусских книжных текстах как варианты, встречаясь в одних и тех же контекстах. Ср., например, *никого же поутемъ идыи не вѣрди* (Хроника Георгия Амартола, ГБЛ, Фунд., № 100, л. 209б) и *никого же поутемъ идѣ не вреди* (Пролог XIII в., ЦГАДА, ф. 381, № 156, л. 136об.).

Количественное соотношение форм на *-ыи* и на *-а(-а)* в функции второстепенного сказуемого находится в очевидной зависимости от типа книжного текста. В канонической церковнославянской книжности, восходящей к южнославянским оригиналам, экспансия форм на *-ыи* может приводить к полному вытеснению кратких форм как таковых, что мы и наблюдаем, например, в уже упоминавшемся Мстиславова евангелии или же в Симоновском евангелии 1270 г.⁴ Таким образом, употребление исключительно

³ По предположению А. А. Зализняка (устное сообщение), источником распространения этой инновации был Новгород, диалекту которого формы типа *живѣ*, *несѣ* могли быть свойственны уже с начала письменной эпохи. В таком случае следует предполагать, что, с точки зрения новгородских писцов XI—XIV вв., формы на *-а* не только не противоречили книжной норме, но, более того, сами воспринимались как престижные, будучи противопоставлены формам на *-ѣ* живой диалектной речи.

⁴ Крайне характерно, что единственный раз эта последовательность нарушается писцом Симоновского евангелия там, где в его оригинале, по-видимому, как в большин-

полных форм от основ на твердый согласный, отмечаемое С. К. Буличем как характерная черта позднего церковнославянского языка XVI—XVII вв. [19], в действительности наблюдается уже в древнейший период развития русского извода.

В памятниках, переведенных, отредактированных или же целиком созданных на Руси, чаще всего имеет место варьирование форм на *-и* и на *-а(-я)*. См., например, в Лобковском прологе 1262 г.: *трасыи сѧ и плача* 32об., *воздържасѧ и постѧся и жестоць живѧ велми* 69об., *кѧтѧсь прѣступити не могѧи кнѣпа себе исповѣда* 137об., *таче тека прѣскочи мѣсто* 125. При этом в памятниках оригинальной древнерусской книжности преобладание одних или других форм непосредственно зависит от степени ориентированности на канонические образцы. Так, в русских текстах Успенского сборника XII в. употребляются в основном формы на *-и*: *и слзми разливаѧся и не могѧи глати въ срѣци си начатъ сицеваѧ въцѧти* 9б, *отрокъ кѧго вѣрже сѧ на тѣло блаженнаѧго рекуи* 11г, *и тако идиѧи трѣми недѣлами доиде прѣжереченаѧго мѣста* 31а, *идиѧи поутьмъ оузрѣ распалиноу калноу соуцѧю* 34б и т. д. (всего более 20 примеров); формы на *-а* представлены единичными примерами, будучи оттеснены на периферию нормы: *и присла кюрославъ къ глѣбоу река* 13б, *тѣсто мѣшааше и хлѣбы пека* 42б. Прямо противоположная картина имеет место в Синодальном списке Новгородской I летописи, где употребляются почти исключительно формы на *-а(-я)*: *идѧ оплѧ^т соуждадоу възѧ новѧи тѣргѧ* 20об., *присла великѧи кнѧзь всеволодѧ въ новѧгородѧ река тако* 72, *тѣгда же кнѧзь посла мишю въ пльсковѧ река* 105, *не ждѧ новгородѧць гонисѧ в лодикахъ по нихъ въ слѣдѧ* 103 и др. Форма на *-и* отмечена лишь однажды, в третьем почерке: *то^д же лѧ^т поиде кнѧзь михѧило изъ орды в роусъ ведѧи съ собою татары* 159. Существенно, однако, что последовательное употребление форм на *-а(-я)* в летописи в свете сказанного выше следует рассматривать не как отступление от церковнославянской нормы, но лишь как последовательную реализацию предоставляемых ею возможностей.

2.1. Как уже было сказано, вопрос о нормативности причастных форм на *-а* имеет смысл лишь применительно к кратким формам, поскольку уже в древнейшую письменную эпоху живой речи восточных славян не были свойственны формы типа *несаи*. В связи с этим приобретает особый интерес рассмотрение тех немногочисленных полных форм на *-аи*, которые, хотя и изредка, но встречаются в древнерусских рукописях (см., например, *приснотекаи* в Изборнике 1073 г., 247а, *смптгаи* в Толстовской псалтыри XI в., пс. XXVI, 2, *живаи* в Студийском уставе XII/XIII в., л. 2, и др.). Поскольку по уже названной причине объяснение этих форм как русизмов, отражающих живое произношение, не может быть принято, его следует искать в особых механизмах порождения книжного текста.

Один из возможных механизмов появления в древнерусских текстах форм на *-аи* указан Б. А. Лариним, который, характеризуя встретившуюся в поучении Серапиона Владимирского (список XIV в.) форму *могаи*, отмечает: «Здесь русское причастие (деепричастие *мога*) оформлено как церковнославянское членное причастие. Такая форма показывает, что привыкший к русской речи проповедник старался оформить свою мысль по-церковнославянски» [20]. Иначе говоря, книжник в данном случае не использует готовую церковнославянскую форму полного причастия, но искусственно конструирует ее, исходя при этом из формы живой речи. При таком подходе формы на *-аи* могут рассматриваться как аналогичные изредка встречающимся в памятниках формам косвенных падежей кратких причастий с суффиксами *-уч/ач* типа *настануча мѣца*, *лѣта исходѧча* (см. свод соответствующих примеров в [17, с. 356]). Данный механизм,

стве славянских списков и греческом тексте, стояла не причастная, но личная глагольная форма: *ходѧи въ тѣмъ не вѣсть како идѧ* 125 (Ио. XII.35); ср. в ОЕ и МЕ: *како идеть*; в греч. *ποὺ βλάγει*. Отступление, невольное или сознательное, от принятой морфологической нормы в данном случае является следствием индивидуального синтаксического вмешательства в переписываемый текст.

однако, будучи весьма актуальным для оригинальной книжности, едва ли мог распространяться на процесс переписывания канонических текстов. С другой стороны, указанным способом никак не могла быть получена такая форма как *саи*, от глагола «быти», отмеченная в целом ряде памятников (Ефремовская кормчая XII в., Минея Дубровского XI в., Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского XII в. и др.), поскольку в живой древнерусской речи соответствующая краткая форма отсутствовала.

Определение происхождения форм на *-аи* в древнерусских книжных текстах, восходящих к южнославянским протографам, вплотную подводит нас к решению вопроса, сформулированного в начале настоящей статьи словами Н. Н. Дурново, вопроса о соотношении форм на *-а* в древнерусских рукописях и форм на *-а* (графически — на *-а̑, -а̑̑, -а̑̑̑*) в рукописях древнеболгарских. Последовательное разграничение полных и кратких форм обнаруживает принципиальную противоположность между русской и болгарской ситуациями. В древнеболгарских рукописях XI в. формы на *-а̑* представлены исключительно у полных причастий, где они встречаются отнюдь не реже «классических» старославянских форм на *-аи*. При этом краткие формы (за исключением двух форм *неса* в Зографском евангелии⁵) выступают только с флексией *-ы* [21, S. 233]⁶. В русских рукописях, как уже отмечалось, наблюдается противоположная картина: последовательное употребление форм на *-а* отмечаем только для кратких причастий, тогда как у полных формы на *-аи* встречаются лишь sporadически. Это лежащее на поверхности различие полностью игнорируется исследователями, предполагающими генетическую тождественность восточнославянских форм на *-а* и древнеболгарских на *-а̑*. Между тем оно позволяет с достаточной степенью уверенности ответить на вопрос, поставленный Н. Н. Дурново. Нормативность флексии *-а* кратких причастий, характерная для ряда древнейших восточнославянских рукописей, есть, безусловно, факт ассимиляции церковнославянской языковой нормой живой восточнославянской флексии, не зависимый от написаний южнославянских протографов: формы типа *неса, мога*, по-видимому, исконные для всей восточнославянской (и шире — северославянской) территории, появлялись в древнерусских рукописях в соответствии с формами типа *несы, могы* их оригиналов. Что же касается полных форм на *-аи*, то, вполне вероятно, что таким образом древнерусские писцы действительно могли передавать формы типа *неса̑и, несми, несжи*, встречавшиеся в переписываемых южнославянских протографах. В таком случае загадочное *саи* может быть объяснено как восточнославянская интерпретация южнославянских написаний *са̑и, с̑и, с̑̑и*, обычных для древнейших болгарских памятников.

В целом механизм передачи восточнославянскими переписчиками причастных форм древнеболгарских протографов может быть реконструирован в следующем виде;

	др. болг.	др. русск.
краткие формы	<i>несы</i>	<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;">→ <i>неса</i></div> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;">→ <i>несы</i></div> </div>
полные формы	<i>несыи</i>	<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;">→ <i>несыи</i></div> </div>
	<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;">→ <i>неса̑и</i></div> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;">→ <i>неса̑и</i></div> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;">→ <i>несжи</i></div> </div>	<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;">→ {<i>неса̑и</i> <i>несжи</i>}</div> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;">→ <i>несли</i></div> </div>

⁵ Поскольку в других древнейших списках в соответствующих стихах (Мк. XIV. 13; Л. XXII. 10) читаются формы *нос̑а̑*, в написаниях Зографского евангелия естественно видеть результат контаминации образований от разных основ.

⁶ Причины, обусловившие такое распределение флексий, не вполне понятны (см. обзор разных точек зрения в [7]). Неясно также, как соотносятся друг с другом формы типа *неса̑и, нес̑а̑и* и *несжи*, условно объединяемые как «формы на *-а̑*».

Единственно возможные в протографе краткие формы на *-ы* древнерусский писец мог заменить формами своего родного диалекта на *-а*, оставить без изменения или же преобразовать в полные формы на *-ыи*. Сложнее обстояло дело с полными формами. Здесь переписчик сталкивался в протографе с широкой вариативностью форм типа *несыи*, *несди*, *несли*, *несжи* и должен был как-то определить свое отношение к этой вариативности. При этом возможно было несколько решений. Во-первых, писец мог вообще отказаться от особой передачи форм на *ди*, *-ли*, *жи*, избрав в качестве единственно нормативного основной вариант на *-ыи* и таким образом выровняв парадигму по образцу кратких форм⁷. Он мог также перенести в свой список соответствующие формы без изменения. В древнейших русских рукописях присутствуют отдельные формы на *-ли*, *-жи*⁸. Однако был и третий путь. Отмечая вариативность флексий полных форм в оригинале, писец хотел передать ее, избежав при этом механического переписывания непонятных форм. Естественным в таком случае было обращение к средствам собственного языка. Таким образом, вариативность форм на *-ый* и на *-ди*, *-ли*, *-жи*, имевшая место в оригинале, в списке могла отразиться в виде вариативности форм на *-ыи* и на *-аи*. Характерно, что именно такую картину мы наблюдаем в Ефремовской кормчей XII в., которая, возможно, представляет собой список непосредственно с южнославянского оригинала [22]. В этом памятнике формы на *-аи* (*выкнаи*, *выргаи*, *живаи*, *саи*) встречаются чаще, чем в других древнейших восточнославянских рукописях (см. полный список примеров в исследовании С. П. Обнорского [23])⁹.

Последние два способа передачи южнославянских полных форм на *-а* в практике восточнославянских книжников занимали, однако, периферийное положение, тогда как безусловно доминирующей была тенденция к единообразному оформлению всех форм полных причастий посредством флексии *-ыи*. Таким образом, полные формы на *-аи*, представлявшие собой, как можно думать, искусственные образования, иногда употреблявшиеся на первых порах в соответствии с южнославянскими формами на *-ди*, *-ли*, *-жи*, были оттеснены на периферию книжного языка и не прижились в системе его грамматических норм.

2.2. Тезис о периферийном положении причастных форм на *-аи* в древнерусском книжном языке нуждается, однако, в одном существенном уточнении. На фоне абсолютного господства полных форм на *-ыи* и отдельных разрозненных форм на *-аи* в древнерусских рукописях XI—XIV вв. (как и в более поздних) мы встречаемся с последовательным употреблением данной флексии в форме *всьемогаи*. Только из рукописей XI—XIII вв. нам известно более 30-и примеров (включая шесть примеров, по разным поводам приводившихся ранее [2, с. 111; 3, с. 94; 24: 25, с. 366]). Количество их может быть легко умножено, поскольку данная форма регулярно встречается в одних и тех же контекстах. Ее мы трижды находим, например в стихирах в Неделю жен-мироносиц и в Неделю о расслабленном, причем эта триада примеров переходит из одной рукописи в другую (Стихирарь постный и цветной XII в. ЦГАДА, ф. 381, № 148, л. 173, 176об., 176а; Стихирарь постный и цветной XII в. ЦГАДА, ф. 381, № 147, л. 118об., 119; Стихирарь XII в. Хиландарского монастыря (изданный Р. О. Якоб-

⁷ Возможно, именно этим вторичным выравниванием, а не отражением исходной старославянской парадигмы следует объяснять тот факт, что в древнейших русских списках Евангелия последовательно употребляются формы на *-ыи*, тогда как в древнейших южнославянских кодексах имеет место, как уже говорилось, широкая вариативность флексий полных форм.

⁸ См., например *живжи*, *сжи*, *словжи* в Чудовской псалтыри, *сди*, *сжи* в Словах Григория Богослова, *живжи* в Изборнике 1073 г. и др. [3, с. 94].

⁹ В плане соотношения трех указанных механизмов характерно сопоставление старославянской Синайской псалтыри (СП) с тремя древнерусскими псалтырями XI в.: Чудовской (ЧП), Бычковской (БП, Ленинградская и Синайская части) и Толстовской (ТП). В СП имеет место варьирование (в соотношении 6 : 4) форм на *-ыи* и *жи* [21, S. 233]. В ЧП это варьирование сохраняется (см. примеры в сноске 8). В БП употребляются исключительно формы на *-ыи*. Наконец, в ТП мы находим как формы на *-ыи*, так и формы на *-ди* (*грѣди* СХVII, 26) и на *-аи* (*стрѣгаи* СХХVI, 2 в соответствии с *стрѣжи* в СП).

соном [26]), л. 81, 82, 82об.; Стихирарь постный и цветной XIII в. (так называемая «Саввина триодъ» до 1266 г.), л. 150 об., 154). Как типичный пример употребления формы *всемогаи* в певческом тексте приведем фрагмент из Триоди Моисея Киянина XII—XIII вв. (ЦГАДА, ф. 381, № 137): *слава славь твою прѣславъ твою исоусе положи бо сѧ яко мъртъвь волею въскрсе волею яко бѣ въскрсивъ весь миръ своимъ въскрсениємъ како въсемогаи* л. 230.

Очевидная маркированность формы *всемогаи* в древнейших памятниках русского извода заставляет считать, что мы имеем дело не с набором окказиональных употреблений, но с особой нормой написания данного слова, представляющего собой сакральный термин, одно из важнейших определений Бога, выступающее нередко в функции его прямого обозначения¹⁰.

Причины, обусловившие отмеченную маркированность формы сакрального термина *всемогаи* в русском изводе церковнославянского, могут быть указаны вполне однозначно. Как неоднократно отмечалось в лексикологической литературе, слово *всемоги* в лексической системе старославянского языка представляет собой моравизм, а точнее — кальку с латинского — *omnipotens*, возникшую на моравской почве еще до прихода кирилло-мефодиевской миссии и включенную впоследствии в систему созданного солунскими братьями литературного языка [29, с. 152; 30, с. 65—67; 31; 32]. При этом внимание исследователей старославянской лексики было до сих пор сосредоточено лишь на самой лексеме, записываемой в стандартной для старославянской грамматики форме на *-и*. Между тем очевидно, что в культурном языке Моравии в докирилло-мефодиевскую эпоху могла существовать лишь форма *всемогаи*, но никак не *всемоги*, поскольку северной диалектной зоне вообще не была свойственна флексия *-и*.

Объяснить последовательную маркированность формы *всемогаи* в русских рукописях XI—XIII вв. можно, лишь предположив, что мы имеем дело с уникальным морфологическим отголоском традиции докирилло-мефодиевского культурного языка моравских славян, реликтом грамматики тех переводов с латыни на местный славянский диалект, которые были осуществлены баварским (и, по-видимому, также ирландским, см. [30]) духовенством в период первоначального распространения христианства у славян. Сохранением этого реликта мы обязаны сакральной природе данного термина, обусловившей усвоение его старославянской языковой системой в исходном морфологическом оформлении, пусть и противоречившем грамматической норме нового литературного языка с его южнославянской диалектной основой.

Косвенным свидетельством отражения указанной традиции уже в древнейшем, великоморавском слое церковнославянской книжности, является один из наиболее значительных примеров употребления формы *всемогаи* в древнерусских рукописях. Эту форму мы находим во фразе, открывающей собой обширный богословского содержания пролог к житию Мефодия, древнейший список которого входит в состав Успенского сборника XII в.: *бѣ благъ и всемогаи иже ксть створилъ ѿ небытия въ бытиѣ всьмъ-скака* л. 102 в. Замечательная последовательность, с которой данная форма, занимающая ключевое положение в тексте, сохраняется во всех без исключения списках жития XII—XVII вв. [33], позволяет предполагать, что мы имеем дело с традицией, восходящей к оригиналу, созданному,

¹⁰ Сакральность формы *всемогаи* как одного из обозначений Бога находит себе эксплицитное выражение в следующем фрагменте из апокрифической «Беседы трех святителей» (по русскому списку XV в.): *василіи рече оцъ и снъ и стѣи дѣхъ ки образъ славитсѧ оцъ григоріи рече еди оцъ стѣи бгъ всемогаи вседержи безначаленъ и нераздѣленъ нероженъ бесмерте* [27]. Заметим попутно, что традиция написания данной формы отражается и в оригинальных древнерусских текстах. Словарь XI—XVII вв. отмечает ее употребление в написанном Епифанием Премудрым Житии Стефана Пермского (список XV в.): *вѣдо многмъстиве всемогаи, даи же намъ по-мощь от печали, послѣ млсть свою* [28].

несомненно, в великоморавский период развития старославянской письменности.

Тенденция к сохранению неизменным исходного облика сакрального имени в изменившейся с приходом в Моравию кирилло-мефодиевской миссии литературно-языковой ситуации не могла не прийти в противоречие с противоположной тенденцией к единству новой морфологической нормы. Маркированность формы термина была лишь одним из возможных вариантов разрешения этого противоречия. Написание термина могло также подчиниться требованиям морфологической нормализации. Уже в древнейшем дошедшем до нас памятнике моравского церковнославянского — Киевском миссале — последовательно проводится написание *всьеомгыи*. Вариативность форм *всьеомгыи/всьеомгаи* имеет место и в памятниках русского извода, причем она может наблюдаться и в рамках одного и того же текста. См., например, в Триоди XI/XII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 138): *всьеомгыи* л. 123, 148; *всьеомгаи* л. 124, 134. Такое варьирование, очевидно, отражает продолжающееся противоборство двух названных тенденций.

Употребление формы *всьеомгаи* в культурном языке Великой Моравии IX в. и ее употребление в древнерусских рукописях XI—XIII вв. — это начальное и конечное звенья одной цепи. Предстоит выяснить теперь, каковы были ее промежуточные звенья, т. е. как конкретно произошло закрепление рассматриваемого явления в норме русского извода?

Естественнее всего предположить здесь непосредственное западнославянское влияние. Масштабы этого влияния в X—XI вв. были, как известно, довольно значительны; следы его обнаруживаются и в русском изводе церковнославянского языка [14, с. 46]. К их числу, по-видимому, можно отнести и интересующее нас написание. По крайней мере, употребление формы *всьеомгаи* в таких памятниках, как Беседы папы Григория Двоеслова [25, с. 366] или Ярославский молитвенник XIII в. [34] может быть с большой вероятностью возведено к западнославянским протограммам этих рукописей и рассмотрено как следствие прямого взаимодействия русского извода церковнославянского с чешским изводом. Последний, в свою очередь, мог унаследовать маркированность формы *всьеомгаи* лишь непосредственно от моравского варианта церковнославянского (наличие прямой преемственности между ними в настоящее время может считаться доказанным, см. [35]).

Наибольший интерес для объяснения представляет систематическое употребление формы *всьеомгаи* в древнерусских певческих рукописях. Именно на гимнографические тексты приходится огромное большинство известных нам примеров. Совершенно очевидно также, что именно гимнографическая традиция явилась источником употребления данной формы авторами оригинальных древнерусских литературных текстов (см. сноску 10).

Каким образом могла сложиться маркированность формы *всьеомгаи* в древнерусских гимнографических текстах? Едва ли на этот вопрос можно ответить однозначно. Предположить и здесь непосредственное западнославянское влияние мешает отсутствие достоверной информации о сколь-нибудь интенсивных западнославянско-русских контактах в области гимнографии. Основной корпус гимнографических текстов, бытовавших на Руси, сложился, как считает большинство исследователей, в конце IX—X вв. на территории Болгарии. В западнославянских землях славянское богослужение по византийскому обряду практически не получило распространения. Поэтому, если такого рода контакты и были, они едва ли могли иметь решающее значение для закрепления формы *всьеомгаи* в древнерусской гимнографии.

Можно предположить, далее, что данная форма, воспринятая русским изводом церковнославянского из текстов круга Бесед папы Григория Двоеслова, распространилась впоследствии и в текстах гимнографических. Однако такое влияние на устойчивую традицию языка гимнографии со стороны отдельных примеров, разбросанных по не связанным друг с другом текстам, маловероятно. Основное объяснение нужно искать, не выходя за пределы самой гимнографической традиции.

Когда и где появились первые славянские переводы византийской гимнографии, точно не известно. Начало перевода Постной и Цветной триоди связывается иногда с именем самого Мефодия. Согласно другой точке зрения, эти переводы были выполнены уже на территории Болгарии учениками Мефодия (обзор разных мнений по этому вопросу см. [36, с. 20—22]). Очевидно, однако, что развернувшаяся здесь активная деятельность по переводу гимнографических текстов явилась прямым продолжением работы, начатой еще в Моравии. Об этом свидетельствует прежде всего значительный слой лексических моравизмов, выявленный в тексте славянского перевода Триоди [37]. К их числу следует отнести и интересующую нас лексему. Возникнув как калька с латинского причастия, в текстах гимнографических она употребляется в соответствии с греческим прилагательным *παντοδύναμος*. Отсюда можно заключить, насколько значительна была инерция моравской переводческой школы, оказавшаяся сильнее, чем требование точности передачи греческого текста. Можно предположить, что на первых порах переводчики и переписчики древнеболгарских гимнографических текстов, употребляя заимствованный моравский термин, могли сохранять его грамматическое оформление, и что, таким образом, формы *всьемогаи* попали в древнерусские списки через посредство южнославянских. Хотя в болгарских рукописях формы на *-аи*, кажется, не засвидетельствованы, отвергать возможность такого посредства не следует: известны примеры употребления в текстах, созданных на территории Болгарии, христианских терминов с ярко выраженными формальными признаками моравского происхождения (см., например, написание *розьство* в предпраздничных трипеснях на Рождество Климента Охридского [36, с. 57, 144]).

Маркированность формы термина могла проявиться в болгарских рукописях не обязательно в прямом сохранении моравской флексии. Выше уже была отмечена возможность интерпретации полных форм на *-аи* древнерусских памятников как своеобразной передачи южнославянских полных форм на *-а* (графически — на *-аи*, *-ли*, *-жи*). Можно думать, что и болгарские книжники могли осуществить аналогичную процедуру, отождествив флексию *-аи* в форме заимствованного моравского термина с собственными полными формами на *-а*. В таком случае появление в русских рукописях формы *всьемогаи* выступает как результат своего рода «декодирования», возвращения термину его первоначальной формы.

Замечательно, что в древнейших болгарских списках гимнографических текстов мы находим примеры, подтверждающие возможность такого развития. Так, в Копитаровой триоди XIII в. [38] и Григоровичевом паремейнике XII в. [39] (стих из Постной триоди) отмечены формы *всьемогажи*, явно выделяющиеся на фоне нормативного употребления в этих текстах полных форм на *-аи*. Такая маркированность формы *всьемогажи* в древнеболгарских рукописях вполне могла стать источником маркированности формы *всьемогаи* в древнерусских списках тех же текстов. Показательно, что именно эту форму мы находим в соответствующем месте одного из древнейших русских списков Паремейника (ЦГАДА, ф. 381, № 50, л. 5об.).

Исключительно показателен в интересующем нас отношении материал древнерусского списка XII в. Учительного Евангелия Константина Болгарского (ГИМ, Син. 262). В этом тексте на фоне последовательного употребления полных форм на *-аи* трижды отмечена форма *всьемогаи* (д. 19об., 137об.2х) и один раз — форма, переданная в описании А. В. Горского и К. И. Невоструева [40] как *всьемогоуи*, а в публикации арх. Антония (Вадковского) [41] — как *всьемогуи*; *въ нь же днь хощеть соудити всьемогуи бѣ всемоу миру* (л. 154). Недоступность рукописи в настоящий момент не позволяет проверить, какая форма в действительности стоит в тексте, однако очевидно, что данное написание представляет собой неискusstную передачу формы *всьемогажи* болгарского протографа. В одном из четырех случаев русский писец, по-видимому, забыл осуществить подстановку *а* вместо *ж*, предоставив в наше распоряжение прямое доказательство действия описанного выше механизма.

3. Реконструированная таким образом история формальных преобразований сакрального термина *всьемагаи* в великоморавском, древнеболгарском и древнерусском изводах церковнославянского представляется достаточно закономерной, если рассматривать ее в более широком лингвистическом контексте. Возвращаясь к исходному пункту настоящей работы, вспомним, что противопоставление флексий *-а/-ы* в формах типа *неса/несы* относится к числу древнейших изоглосс, разделявших северную и южную диалектные зоны позднего праславянского. К тому же пучку изоглосс относится противопоставление флексий *-ě/-e* палатальных *ja-* и *jo-*основ (*земѣ/земля*), противопоставление флексий *-ъмь(-ьмь)/-омь(-емь)* Т. ед. *о-*основ и, скорее всего, оппозиция форм Д-М. местоимений *тобѣ, собѣ/тебѣ, себѣ*. Условно представив этот пучок изоглосс в виде горизонтальной линии, историю церковнославянского языка в древнейший период можно (отвлекаясь от частных и учитывая лишь магистральные пути развития) представить в виде ломаной линии, основными вершинами которой являются Солунь, Моравия, Болгария (как западная, так и восточная) и, наконец, Русь.

В своем движении на Русь церковнославянский язык дважды пересекает границу северной и южной диалектных зон в направлении с юга на север и один раз — с севера на юг. При всем различии культурно-исторических ситуаций приход Константина и Мефодия с уже готовым переводом Евангелия к моравским славянам и появление южнославянских рукописных книг на Руси в эпоху ее крещения с лингвистической точки зрения означали сходное изменение диалектной среды функционирования древнеславянского литературного языка. Есть основания полагать, что и реакция церковнославянского на это изменение была сходной. Показательно в этом отношении сопоставление Киевского миссала с древнейшими памятниками русского извода. В обоих случаях мы наблюдаем сохранение в языке памятников, написанных на севере, таких южных диалектных черт, как формы типа *земля* (Р. ед.) или *тебѣ* (Д-М.), при полном господстве севернославянского *-ъмь* в Т. ед. Поскольку в русском изводе такая ситуация устанавливается уже начиная с древнейших памятников, близких ко времени зарождения восточнославянской книжности, можно полагать, что и Киевские листки также отражают древнейшее состояние моравского церковнославянского в кирилло-мефодиевскую эпоху.

Таким образом, в истории образования русского извода церковнославянского языка частично повторяются процессы, уже имевшие место в древнейшей истории церковнославянского. Так, закрепление в норму русского извода флексии *-ъмь* Т. ед. не может рассматриваться как вытеснение «старославянского» *-омь*. Последнее лишь вытеснило северное *-ъмь* в текстах, созданных на юге. Вернувшись опять в северную диалектную зону, церковнославянский язык вновь восстанавливает норму, свойственную ранее его великоморавскому варианту. Определенную (хотя и второстепенную) роль в этом процессе могли сыграть и прямые контакты русского извода с чешским (на схеме отмеченные пунктиром). В контексте такой эволюции литературного языка изложенная выше история преобразований формы *всьемагаи* выглядит вполне естественной.

В целом история форм номинатива действительных причастий на *-*onts* в русском изводе церковнославянского, некоторые аспекты которой были рассмотрены в настоящей статье, представляется достаточно показательной. Она явно не укладывается в рамки упрощенной трактовки процесса формирования русского извода как ряда замен абстрактных «старославянских» черт на столь же абстрактные «древнерусские». Такой подход не

В состоянии объяснить, например, тот факт, что в ряде случаев генетически южнославянские формы на *-yi* появляются в рукописях уже на русской почве, заменяя собой также южнославянские формы на *-ли*, *-ли*, *-жи*, тогда как «древнерусские» формы на *-ai* могут отражать древнейшую инославянскую традицию, восходящую еще к докирилло-мефодиевской эпохе. Между тем именно эта неоднозначность соответствий, обусловленная разнообразием источников русского извода и механизмов интерпретации этих источников, позволяет представить формирование национального извода церковнославянского языка не в виде отвлеченной схемы, но как живой процесс, разворачивающийся на фоне интенсивных межславянских культурно-языковых контактов древнейшей письменной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. СПб., 1907, с. 164.
2. *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
3. *Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI—XII вв. как памятники старославянского языка. — Южнославянский филолог. Т. IV, 1924.
4. *Meie A.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 268.
5. *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 136.
6. *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. II. М., 1952, с. 187.
7. *Ferrel J. O.* On the Slavic Nom. Sg. Masculine and Neuter of the Present Active Participle and the Problem of *ě Tertium*. — In: *Studia Palaeoslovenica*. Praha, 1971.
8. *Wijk N. Van.* Zur Entwicklung der partizipialen Nominativendung *-onts* in den slavischen Sprachen. — *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1925, № 2, S. 279—286.
9. *Schmalstieg W. R.* Slavic Morfeme Alternatios in *ěļ* and *aly*. — *Slavic and East European Journal*, 1968, N 12, p. 44—52.
10. *Zubaty J.* Zur Declination der sog. *-ja* und *-jo*-Stamme im Slavischen. — *Archiv für slavische Philologie*, 1893, N 15, S. 503.
11. *Мареш Ф. В.* Ранний период морфологического развития славянского склонения. — Вопросы языкознания, 1962, № 6, с. 20.
12. *Георгиев В. И.* Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1968, с. 148—150.
13. *Тот И.* Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII в. София, 1985, с. 319.
14. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка XI—XVII вв. München, 1987.
15. *Гиппиус А. А.* Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения. — Вопросы языкознания, 1989, № 2, с. 94—96.
16. *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981, с. 354—355.
17. *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* История причастий. — В кн.: Историческая морфология русского языка. Глагол. М., 1982.
18. *Обнорский С. П.* Исследование о языке Миней за ноябрь 1097 г. — Изв. ОРЯС, 1925, т. 29, с. 226.
19. *Булич С. К.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893, с. 337.
20. *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка. X — середина XVIII в. М., 1975, с. 131.
21. *Diels P.* *Altkirchenslavische Grammatik*. Bd. 1. Heidelberg, 1932.
22. *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 363.
23. *Обнорский С. П.* О языке Ефремовской кормчей. — В кн.: Исследования по русскому языку. Т. III, вып. 1. СПб., 1912, с. 79.
24. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893, с. 469.
25. *Slovník jazyka staroslovenského*. D. 7. Praha, 1963.
26. *Fragmenta Chilandarica Palaeoslavica*. Praefatus est R. Jakobson. A. Sticherarium. Codex monasterii Chilandarici 307 phototypice depictus. Copenhagen, 1957.
27. *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. Т. II. СПб. — М., 1863, с. 431.
28. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 3. М., 1976, с. 126.
29. *Соболевский А. И.* Церковнославянские тексты моравского происхождения. — РФВ, 1900, т. 43, № 1/2, с. 152.
30. *Исаченко А. В.* К вопросу об ирландской миссии у моравских и паннонских славян. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963.
31. *Мареш Ф. В.* Древнеславянский литературный язык в великоморавском государстве. — Вопросы языкознания, 1961, № 2, с. 21.
32. *Auty R.* The Western Lexical Elements in the Kiev-Missal. — In: *Slavisch-Deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur*. Berlin, 1969, p. 5.
33. *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973, с. 164—167.

34. *Mareš F. V.* An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin.— Slavische Propilaen, 1979, N 127, p. 79.
35. *Mareš F. V.* Česká redakce církevní slovanštiny v světle Besed Ěenoře Velikého (Dvojeslova).— Slavia, 1963, roč. 32, s. 428.
36. *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски.— В кн.: Кирило-Методиевски студии. Кн. 2. София, 1985.
37. *Русек Й.* Из лексиката на среднебългарските триоди.— Известия на Института за български език, 1969, с. 149—180.
38. *Ильинский Г. А.* Копитарова триодъ XIII в.— РФВ, 1906, т. 55, ч. 1/2, с. 213.
39. Григоровичев паримейник. В сличении с другими паримейниками издад В. Брандт.— ЧОИДР, 1894, кн. 1, отд. 2, с. 58.
40. [*Горский А. В., Невоструев К. И.*] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания догматические и духовно-правственные. М., 1859, с. 429.
41. *Антоний, еп. выборгский.* Из истории древнеболгарской проповеди. СПб., 1892, с. 240.